

Литературный журнал

ЧЕШСКАЯ ЗВЕЗДА

31/28.09.2015 Карловы Вары

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- ОЛЕГ ФАТХУТДИНОВ Рыбалка 3
- ГРИГОРИЙ ХАЙТ Пошутили 4
- ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Притча о жаждущих 6
- ЯНА ЮСИФОВА Под пуделя 7
- КАТЯ ИВАНОВА Сказка о мечтательном крокодиле 8
- ИРИНА СТАРИЦЫНА Эротическое путешествие 9
- ИРИНА СТАРИЦЫНА Пространство вариантов 11
- ВЕРА КУПРИЯНОВИЧ стихи 13
- ЛАНА АЛЛИНА Рождение чувства 14
- О. ИОАНН ТУНГУСОВ Вера и Россия или Ползи, Настя! (повесть) 16
- НАШИ КНИГИ: АНОНС 18

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: sklenny.mustek@seznam.cz

Олег Фатхутдинов

Хорошее это занятие – рыбалка! Если вы настоящий рыбак, и все об этом знают, знают, что наловить рыбки на котелок ухи вам раз плюнуть, то и когда надо можно отлынивать от какого-нибудь бесполезного дела, каковым является, например, починка забора или покраска окон. Ну, зачем их красить, когда на будущий год собралась стеклопакеты ставить? А забор? Ну и что, что старый! Подумаешь – гнилой! Неделю назад в посёлке такой ветродуй был! По воздуху не то что ветки, доски летали! У соседа вон часть металлочерепицы с крыши посдувало (на что он её только крепил?). Пара листов ко мне на участок залетела. На следующий год буду туалет новый строить – пригодится. Так вот, мой забор выстоял в бушующей и сметающей всё на своём пути, стихии. Ну, подумаешь десяток штакетин оторвало. Поставил их на место, подколотил и подпёр где надо.

Короче, не до забора мне, ребята, когда мужики, вон, говорят, хариус на ямы покатился, и от ельца отбою нет. А когда я такое слышу, я не то что про забор забываю, а вообще про всё на свете. Одно помню точно – я рыбак! Рыбак с большой буквы! Итак, завтра выступаю! Черви накопаны, крючки наточены, катушки смазаны, болотники подклеены. Ничего вроде не забыл. Ан, нет! Забыл! Забыл позвать своего компаньона по рыбалке. Тёзка мой. Он, конечно, не такой рыбак, как я, он больше по ершам специализируется, на другую рыбу ему нервов не хватает. К нему как в гости ни зайдёшь, он всё сидит на кухне, этими ершами плюётся. Костлявые они больно.

Звоню, говорю: «Елец попёр! Готовь удочки. Завтра места свои заветные тебе показывать буду».

– А ершей там нет? – грустно спрашивает товарищ. – Позавчера кость под язык впилась, жена еле вытащила.

– Завтра ты про них совсем забудешь! – уверяю я его. – А ельца хоть в котёл, хоть в коптильню, хоть вяль, хоть жарь, короче, рыба удобная.

– Буду! – уверенным повеселевшим голосом говорит тёзка. – Бегу червей копать! Они у меня такие-эдакие! Навозные! Рыбий деликатес!

И вот на следующее утро, взяв с собой всё необходимое, идём с товарищем пешими (на машине туда не добраться), дышим ароматным воздухом, в него подмешаны запахи душицы, хвои и ещё чего-то такого, что наполняет душу радостью и скорее возбуждает, чем успокаивает. Да и о каком спокойствии может идти речь, когда впереди нас ждут танцы поплавка, резкие подсечки, вываживание рыбы. Море адреналина! Ноги сами несут тебя к тому месту, где прошлым летом ты отрывался по полной.

Вот и оно, заветное место! На противоположном берегу возвышается огромная скала именуемая Стрельный камень. Когда-то давно, ещё в Гражданскую войну, на этой скале колчаковцы расстреливали красных. Ну да не будем о грустном. Хотя нет! Всё же будем. Из-под куста (моего любимого) высунулась чья-то вихрастая голова, потом ещё одна, в кепке. Так. Коронное место уже забито! «Чтоб вас черти утопили!» – мысленно посулил я мужикам хорошей рыбалки. Ну, и куда теперь? Кругом такие сильные перекаты, что и поплавка-то толком не увидишь, о какой

же рыбе тогда может идти речь? Придётся рыбачков потеснить, ничего не поделаешь.

– Как улов? – спрашиваю я, подходя к этим оккупантам. Эти двое из ларца вздрогнули и испуганными глазами уставились на меня.

– Да мы только пришли, – отвечает тот что в кепке. Смотрю, у него в руке подсачник. Ну, думаю, лукавит! Наверное, только что большую рыбу вываживал. И тут... мать честная! Смотрю – в заливишке, где я так любил каждое лето сиживать, рыба начала всплывать. Сначала одна, затем другая, третья... И поехало! Какой рыбы тут только не было. И голавли, и ельцы, и язи, и даже щука небольшая всплыла. Тут мне всё сразу стало ясно: передо мной браконьеры. Рыбу, сволочи, травят!

– Друг! Поделится, а? – подмигнул мне вихрастый и, блестя стальными зубами, расплылся в широкой сладкой улыбке. По этой улыбке он и получил от моего товарища, который всегда и во всём любил справедливость. Плюх! Вихрастый очутился в воде, и матерясь, желая нам здоровья и счастья в личной жизни, начал барахтаться и плевать, то ли в нас то ли стиль у него такой. Я, например, больше стиль «баттерфляй» люблю. Второй, бросив уже не нужный ему подсачник, кинулся в сторону леса. Зря подсачник бросил! Зря! Он же его и догнал. Мой товарищ мне потом сказал, что он просто хотел погугать этого рыбьего душегуба. Тот повернулся, чтобы крикнуть за своего горе-товарища: «Колян же плавать не уме...» Черенок подсачника глухо ударился о то место, где у мужчины обычно находится его самое главное хозяйство, и тот, взвывая, упал на колени.

Тем временем я уже скидывал с себя одежду, чтобы плыть – спасать уже было совсем погрузившегося по макушку в водную среду Коляна.

«Не утонул бы только, бугай чёртов!» – думал я, оплывая Коляна сзади и хватая его за одежду. Всплыв и увидев перед собой меня, Колян, видно, решил, что я хочу его утопить. Он заорал, что есть мочи, и беспорядочно маша руками, начал грести к берегу. – «Вот как хорошо!» – думал я, – «Мужика проучили и плавать научили!»

Тёзка мой между тем успокаивал корчившегося от боли второго браконьера.

– Ты ему ещё подуй на это место! – разозлился я, – Какая рыбалка сорвалась!

Часом позже, выловив подсачником плавающую рыбу и распив с горе-браконьерами мировую, мы отпустили их на все четыре стороны, взяв с них слово больше такими делами не заниматься.

– А всё-таки хорошо у нас! – закатил глаза к небу захмелевший товарищ, – Как в раю живём! Уходить не хочется! – и перевёл взгляд на рыбу, – Смотри-ка, пара ершей попало. А говорил, что тут их нет.

Я же молча любовался нашей девственной природой, мысленно перенося себя к гнилому забору. Человека плавать я уже сегодня научил, завтра начну строить новый забор. Больше хороших дел надо делать, господа-товарищи, и тогда вы смело сможете сказать, что прожили свою жизнь не зря!

Григорий Хайт

ПОШУТИЛИ

У капитана Михайлова было два несчастья. Первое несчастье преследовало его со дня рождения и было неисправимым. Дело в том, что капитан Михайлов был малюсенького росточка. Как часто выражаются в народе "метр с кепкой". По-честному, конечно же не метр, а слегка побольше – где-то метр пятьдесят, ну может быть метр шестьдесят, причем от силы. С таким росточком мужику тяжело везде, а в армии и подавно. Обычно рост пропорционален физической силе, хотя конечно бывают исключения. Но наш капитан Михайлов был явно не косяя сажень в плечах, не маленький кряж. Был он весьма шупленького телосложения, что безусловно должно было выразиться на отношении к нему в казарме, где как известно царят законы волчьей стаи. Но это еще полбеды. Вторые полбеды заключались в том, что в армии все и всегда распределяется по росту. Первыми всюду поспевают здоровяки, стоящие во главе колонны. Ну а всякие "шибзики", стоящие в арьергарде подходят к любой раздаче последними. Потому и доставался капитану Михайлову всегда лежалый, да и частично порченный товар, начиная от продуктовых пайков, кончая боевыми подругами. Уж только от этого можно было взбеситься. Но это лишь было первое несчастье. Второе несчастье заключалось в том что капитан Михайлов был капитаном.

"Ну и что тут такого?" – скажет любой здравомыслящий человек – "В чем проблема то?"

Проблемы то конечно никакой нет, если тебя окружают товарищи всех родов и званий. А если ты еще главный капитан среди лейтенантов и "старлеев", то это вообще сплошное удовольствие.

Но, к сожалению, случилось то, что капитан Михайлов служил на нашей военной кафедре, где он оказался единственным младшим офицеров среди майоров и полковников. Так называемого старшего офицерского состава. И вот это вот обстоятельство бесило капитана Михайлова больше всего. По коридорам нашей военной кафедры прохаживались зазнайки офицеры, словно назло Михайлову сверкая своими большими позолоченными звездами на погонах. Капитану же Михайлову досталась нелегкая судьба трясти своей россыпью капитанских звезд и давиться от зависти. И это вот несчастье как-то особенно портило жизнь нашему капитану.

Впрочем несчастье второе, в отличие от первого было делом устранимым. Наполеоновский комплекс, сидящий где-то в глубине капитана Михайлова, толкал его к действию. Ну а какие действия доступны обыкновенному военному? Служи и все тут. Хотя, конечно можно и выслуживаться. По этому второму пути и двинулся капитан Михайлов.

Вскоре после прихода к нам на службу, капитан Михайлов фактически взял на себя несуществующую должность денщика начальника нашей кафедры полковника Зубова. Приносил чай в кабинет, не забывал подать шинель и полковничью папаху. С точки зрения службы к капитану Михайлову тоже не было никаких нареканий. Был он грозой всех нерадивых, а в группе студентов, где он был поставлен начальником, зверствовал вовсю. Так что не выдать такому вот служаке очередное воинское звание, было бы делом абсолютно несправедливым, "западло" на уличном диалекте.

Впрочем, никто ничего против очередного звания не имел. За майорские звездочки начальник кафедры платил не из своего кармана, а все нужные бумаги к представлению видимо были аккуратно заготовлены самим капитаном Михайловым. Так что произошло все тихо, спокойно, незаметно, обыденно.

О предстоящем повышении в звании капитана Михайлова, мы студенты догадались по тому как он перестал зверствовать в коридорах военной кафедры и лично водить студентов в парикмахерскую. А накануне знаменательного дня вообще наставил всем студентам своей группы пятерок и отпустил их пораньше. Потом несколько наших студентов даже видели вечерком возле кафедры капитана Михайлова, выгружающего из такси ящик водки.

Следующий день предстоял быть для всех обитателей военной кафедры абсолютно обыденным, кроме конечно капитана Михайлова, который должен переступить порог кафедры уже в новом звании.

На следующий день, как обычно в 7 утра капитан Михайлов прибыл на работу. В зале-прихожей или как он там назывался – месте построений было пусто. Мы студенты являлись где-то в 8 утра, а военные преподаватели, для которых рабочий день начинался в 7, по обыкновению запаздывали. Так что капитан, а теперь уже майор Михайлов оказался там в одиночестве, точнее один на один с висящим там зеркалом. Наверняка майор Михайлов уже предостаточно покрутился перед зеркалом у себя дома, любуясь звездами на погонах. Но оказавшись в одиночестве в "приемном зале", не утерпел перед желанием пройтись еще пару раз, поглядеть на свое отражение, полюбоваться своими новыми погонами. Гордо поглядывая в зеркало, он прошелся из одного конца зала в другой. Развернулся, прошел еще раз, всё также любуясь своими большими звездочками. И тут неожиданно из окна нашей военной раздевалки показалась голова гардеробщика дяди Коли. Не задаваясь никакими вопросами, дядя Коля сходу гаркнул на Михайлова.

"Эй, капитан, чего тут расхаживаешь? Работы другой что ли нет? Новоявленный майор решил не связываться с хамом, тем более зная, что на нашего гардеробщика управу все равно не сыщешь. Он всего лишь гордо заметил – "Был капитан, да весь вышел. Теперь уже майор!"

"Майор!" – загоготал дядя Коля – "Какой ты нах.. майор. Приказов что ли не читаешь?"

"Каких еще приказов?" – едва прошептал Михайлов, чувствуя как сердце начинает неприятно сжиматься, пытаясь ускользнуть куда-то в пятку.

"А вот таких!" – победно заключил дядя Коля – "Разуй зеньки, да прочти!"

А потом еще больше распаясь добавил – "Сымай погоны! Кому говорю! Вырядился тут! Тоже мне майооор."

Слово майор он произнес растянуто, с издевкой, словно вкладывая в него всю свою ненависть ко всяким там самозванцам.

Капитан-майор Михайлов уже мало что соображая повернулся и на подгибающихся ногах пошел в направлении стенда, на котором вывешивалась всякая ценная и не очень информация. На стенде действительно висел лист белой бумаги начинающимся словом "Приказ" и заканчивающийся размашистой подписью начальника нашей кафедры полковника Зубова.

Ноги капитана уже практически не держали. Но упершись рукой в стену, капитан-майор Михайлов нашел относительно устойчивое положение, задрал голову и начал читать вслух.

"В связи с поступками майора Михайлова не совместимыми с гордым званием майора Советской Армии, выразившимися в надругательстве над переходящим красным знаменем, пьянством и последующей дракой с майором Иволгиным, плясок в голом виде на столе начальника кафедры, а также..."

Тут уже майор Михайлов пропустил длинный список своих прочих прегрешений и перешел в конец приказа.

"Приказываю понизить майора Михайлова в звании до капитана".

Капитан-майор Михайлов простоял еще несколько секунд, беззвучно глядя на листок приказа. Потом прошептал – "Неужели все это я?" Схватился за сердце и рухнул на пол.

В ту же секунду из кабинета начальника кафедры выскочили офицеры и устремились к лежащему на полу капитану Михайлову. Полковник Зубов, как старший и ощущая свою ответственность за случившееся, опустил на колени рядом с павшим товарищем. Он приподнял голову капитана и стал похлопывать Михайлова по щекам стараясь привести его в чувство. Одновременно он давал указания обступившим его офицерам.

"Майор Иволгин. Скорую помощь! Полковник Быков. Мокрое полотенце! Полковник Крылов. Спирту!"

Потом полковник Зубов вновь басил, обращаясь к капитану Михайлову – "Вася, дорогой, очнись. Мы тут рядом – твои боевые товарищи".

Еще через минуту он уже принимал доклады подчиненных.

"Вызвал? Едут! Молодец Иволгин. Сиди на телефоне, держи под контролем."

"Что, Быков, полотенце нет на всей кафедре? Найди где хочешь!"

"Крылов. Что ты ему стакан в зубы суешь? Идиот! Я же велел принести нашатырного спирта на ватке."

Потом он вновь обращался к Капитану Михайлову – "Держись, Вася! Скорая уже рядом."

А собственно произошло вот что. Как вы уже знаете, капитан Михайлов притащил на кафедру ящик водки обмывать его новые майорские звездочки. По давно заведенной традиции, ему налили стакан водки, бросили туда майорскую золоченую звездочку. Стакан этот капитан должен был выпить до дна и достать звездочку зубами. Потом то же самое повторили со второй звездой. После этого капитан Михайлов вырубился, что совсем не мудрено, учитывая крошечный ростик и петушинный вес новоявленного майора. Соратники офицеры недолго думая вызвали такси, погрузили туда майора Михайлова и отправили домой, вручив таксисту дополнительные три рубля на доставку Михайлова прямо к дверям квартиры. Сами же они естественно остались допивать водку.

А потом кто-то из наиболее находчивых наших военных вспомнил, что сегодня 31 марта, а завтра намечается самый веселый день – 1 апреля и предложил подшутить над капитаном-майором Михайловым. План созрел быстро. Гогочущие офицеры сочиняли приказ по кафедре, дописывая туда все новые и новые подвиги капитана. Потом перепечатали начисто весь этот бред на пишущей машинке. Поддатый начальник кафедры полковник Зубов приказ этот "подмахнул" и пригрозил его печатью. Потом бумажку с приказом вывесили на стенд и разошлись, сговорившись приехать пораньше и понаблюдать за тем, что произойдет. Благо двери кабинета полковника Зубова выходили прямо в "приемную залу", а щелочка в двери обеспечивала стратегический обзор. Ну а что произошло дальше, вы уже собственно знаете.

Единственная загадка состояла в том – подговорили ли наши шутники офицеры гардеробщика дядю Колю или порол он отселятину. Скорее всего, действовал дядя Коля по собственной инициативе. Актер дядя Коля был хреновый, а так натурально выразить свое возмущение самозванцем майором мог лишь простой, непосвященный человек.

Когда, наконец, в 8 утра начали прибывать на кафедру студенты, их взорам представлялась удивительная картина. В кабинете начальника кафедры на кушетке лежал капитан Михайлов. Рядышком сидел полковник Зубов и успокаивал павшего товарища. Капитан же Михайлов попеременно то хватался за сердце, сопровождая это криками "Ой, умираю!", то ощупывал руками погоны, выговаривая плаксивым голосом – "Погоны отдайте. Квартиру возьмите, деньги возьмите. Только погоны отдайте!"

Рядышком с кабинетом стояли носилки. Бригада скорой помощи находилась тут же. Люди в белых халатах совещались, решая вопрос, куда же везти капитана Михайлова – в военный ли госпиталь, в отделение инфарктников или в психиатрическую больницу.

Студенты сгрудились возле стенда, вычитывая опус-приказ, и хохотали над вчерашними проделками капитана Михайлова. В спешке, после всего, что произошло, злополучный приказ забыли снять.

А из-за двери кабинета начальника кафедры доносился отеческий бас полковника Зубова – "Ну успокойся Василий. Ничего у тебя не отнимают. Мы же просто пошутили!"

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: **Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary**
- в магазине «DINO»: **I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary**

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «По-лет», «Притча об Источнике и садоводах», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную.

Иоанн. 4,14

Отправились семеро братьев в длинный переход по пустыне. Всем снабдил их отец: и верблюдов дал, и воды, и пищи разнообразной: всего с избытком. И дал им наставление любить друг друга и не забывать его самого, ибо он хочет возвращения всех, так как знает, что они еще молоды и не могут совершенно без него обходиться, без его знаний и опыта. Но братья, видя, что всего у них запасено достаточно, не торопились достигнуть цели своего путешествия, в день проходили совсем немного, большую часть дня проводя в праздности, винопитии и играх. И вот от этой самой праздности начались у них всякие раздоры и непотребства, ибо каждый, пресытившись обычными удовольствиями, нашел себе единственное развлечение, которое не надоедало: доказывать остальным, что он значит больше, чем они, ибо больше может выпить вина, более, чем другие, может разозлить верблюда, способен заставить верблюда тащить более тяжелый груз. Были у них и другие способы доказывать свое превосходство, о которых и рассказывать то стыдно. Связано это было с тем, что они стали подражать живым существам, которых они наблюдали вокруг. Ведь эти существа были заняты вроде бы тем же, т. е. доказывали друг перед другом свое превосходство. Например, заметили братья, что те из живых существ добиваются большего успеха, которые едят мясо себе подобных. И сказал каждый брат в себе: «Буду, когда братья спят, убивать верблюдов, есть их мясо, и тогда я точно докажу, что я сильнее их». Но очень скоро, ввиду одновременности возникшего у них желания, они открылись друг другу и стали вместе убивать верблюдов и есть их мясо. И, хотя верблюдов было много, братья, раньше не знавшие вкуса мяса, теперь уже не могли без него. Не в силах остановиться, они стали поедать даже и тех верблюдов, которые были необходимы для перевозки запасов, все более и более нагружая остающихся. И вот настал такой момент, когда часть запасов пришлось оставить. Видя надвигающийся конец, братья немного вразумились и стали гнать оставшихся верблюдов, но те от перегрузки начали болеть и умирать, так что по прошествии непродолжительного времени братья остались без верблюдов и с очень небольшим запасом воды и пищи, который тоже вскоре кончился. К этому времени братья уже совершенно перестали доверять друг другу, ибо совершенно обозлились и доказывали свое превосходство друг над другом не иначе, как издевательствами. Кроме того, они сильно ослабели, и вот, лежали, закрывшись от солнца верблюжьими шкурами, каждый ожидая своей смерти и не думая об остальных.

А они должны были по времени уже давно вернуться домой, к отцу. Целью их путешествия и было возвращение. Ко времени их возвращения отец собирался подготовить для них землю лучшую и дома превосходные. И вот отец, видя, что братья не вернулись к сроку, послал за ними остававшегося при нем их старшего брата, который был совершенно необходим в хозяйстве отца ввиду его опытности и мудрости, и потому не пошел с братьями. Да и надо

было посмотреть отцу, что могут семеро младших братьев сами, достаточно ли они окрепли, чтобы также войти на равных со старшим братом в хозяйство отца. Но вот пришлось-таки послать за ними старшего брата. Немного взял с собой старший брат, ибо знал, что так быстрее доберется до братьев, и если застанет их живыми, то сможет поддержать их и вывести из пустыни теми путями, о которых они и помыслить не могут. Вот и застал он их лежащими под верблюжьими шкурами, каждый под своим ворохом шкур, но, к счастью, еще живыми. Решил он прежде всего напоить братьев. И вот, стал он снимать с одного из братьев шкуру, чтоб напоить его, но тот уже немного помутился разумом от голода, жажды и боялся только палящего солнца. Он совершенно не понял, что пришло спасение, а только судорожно из последних сил натягивал обратно на себя снятые старшим братом шкуры, при этом еще и ругаясь последними словами, ибо он думал, что это кто-то из семерых братьев снимает с него шкуру, чтобы взять себе. И так было со всеми братьями. Видя их безумие и жалея их, желая все-таки спасти их и привести к отцу, старший брат оставил каждому из них бутылку с водой, подложив ее под шкуры, так чтобы каждый мог видеть свою бутылку, осязать ее и напиться в тот момент, когда он хоть немного придет в разум. Оставил он им также запасов пищи, каждому самое любимое из того, что он ел, когда пребывал в доме у отца. Старший брат знал, что если кто-то из братьев, подкрепившись водою, сбросит шкуры и вкусит любимой пищи, то вспомнит отца и дом его и быстро окрепнет духом и дойдет до цели своего пустынного путешествия, чем и будет спасен, ибо цель эта — земля, обещанная им отцом, земля, где течет молоко и мед, и где отец и старший брат пребудут с ними и утешат их во всякой печали, и дадут им все желаемое. Оставил он им и послание, как выйти из пустыни путями, какие они и помыслить не могли. После чего вернулся старший брат к отцу, ибо не мог долго пребывать без отца в силу необыкновенно сильной любви к нему, также и потому, что знал об ответной и еще более сильной любви отца к нему, о том, что без этой их взаимной любви и помощи и хозяйство придет в упадок, и невозможно уже будет подносить каждому из дошедших до земли обещанной его любимые кушанья. Поэтому старший брат вернулся к отцу.

Что же братья? Действительно, один из них, вспоминая свою борьбу с открывавшим шкуры, стал припоминать, что вроде бы его голос был и не очень похож на голоса других братьев из этих семи, и наконец он понял, что это был голос старшего брата его. Впрочем, ненадолго просветлел его разум, но ровно настолько, чтобы поверить, что бутылка с водой, лежащая рядом с ним, действительно есть начало спасения. И вот он припал к ней, тут же забыв о прозрении своем, но ощущая лишь спасительный вкус живительной влаги. Другие братья, услышав булькающие звуки, издаваемые им при питье воды и увидев каждый свою бутылку, не поверили в свое спасение, но каждый подумал, что это кто-то из семи братьев подложил ему бутылку с непотребством своим, а теперь еще и булькает, издеваясь. Ибо они развратились и постоянно до этого непотребно шутили друг над другом. И стали они ругать и поносить пьющего брата последними словами, а неко-

торые, не дожидаясь объяснений, тут же выкинули свои бутылки и разбили их, навсегда отрезав себе путь ко спасению. Когда все устали и перестали ругаться, ибо были слабы, то пивший брат, несколько окрепнув, стал увещевать их пить из их бутылей. «Я не знаю, откуда взялась эта вода, но она помогла мне. Мы на грани гибели, и нам надо бы помочь друг другу. Пейте каждый из своей бутылки и вставайте, цель близка, может быть и дойдем», — говорил он. Несколько братьев, которые не выкинули свои бутылки, видя, какая разительная перемена произошла с ним, до этого бывшим таким же, как и они, поверили и тоже стали пить. Другие же, видя, что им пить нечего, еще больше озлобились, и потратили последние силы на поношение пьющих братьев. Некоторые из них потеряли сознание, а некоторые тут же умерли. Утолившие же жажду братья, полежав еще некоторое время под шкурами и окрепнув, решительно сбросили их с себя и, увидев каждый свое любимое кушанье, тут же вспомнили об отце и доме отчем, и по-

няли, кто приходил к ним. Поев и воспрянув духом, они и послание старшего брата обнаружили и, окончательно проникнувшись прежней и даже еще более сильной любовью друг к другу, старшему брату и отцу, решили спасти тех братьев, которые еще были под шкурами. И вот они стали снимать с них шкуры. Некоторые из тех, которые еще не умерли, умирали по снятии с них шкур, окончательно добиваемые лучами палящего солнца. Другие уже были мертвы. И только одного брата из оставшихся под шкурами удалось спасти, ибо он сберег некоторые силы, потеряв сознание раньше других, не поверивших в спасение.

Итак, все спасенные спаслись, и не могли не спастись, ибо велики мудрость и любовь к ним отца и старшего брата. Что же сказать об умерших? Только то, что отец, произведший их, волен родить их, во всем подобных прежним, кроме зла и непотребства. В земле обещанной.

Яна Юсифова – молодой петербургский автор, работающий в направлениях сюрреализм и метафизический реализм. Весной 2015 года вышла книга автора «Навеселе» – сборник рассказов, в которых Петербург предстаёт перед читателем с мистико-психоделической стороны. Страница автора на прозе.ру: <http://www.proza.ru/avtor/arthouse>

– Как это так, под пуделя? – бубнит усатая физиономия.

А Иван Петрович спокойно отвечает, бережно отряхивая пальто от шерсти:

– Вот так, под пуделя. Эту заразу нужно выбрить. Больше я от вас ничего не прошу.

И сует в белый кармашек халата купюру.

– Он не укусит. Ему совершенно по барабану, что с ним будут делать.

Еще одну.

Денежка как-то стыдливо ежится под пальцами, и яблочные щеки физиономии розовеют:

– Приходите за ним к восьми...

Иван Петрович довольно зажмурился, как сытый кот, когда вышел из чужой квартиры, где пахло спиртом и мылом. Однако тут же спохватился и стремительно заскользил по ступенькам парадной. Человек он был смешной. Круглый, как мячик, Иван Петрович перекатывался туда-сюда по городу, но, потеряв со вчерашнего вечера покой, сон и аппетит, он по городу не катился, а семенял – маленькими, боязливыми шажочками.

– Сволочь! Падла! – верещал вчера Иван Петрович, гоняясь за котом по всей кухне.

Бешенство у Ивана Петровича случилось от волоса, оброненного котом Васей в одинокий хозяйский суп, оставленный на минуту. Случилось это (не бешенство) уже в который раз, посему терпение иссякло, а ярость заклокотала где-то в брюхе и, ударив по сердцу, гаркнула голосом Ивана Петровича:

– Я тебя под ноль побрею.

Кот, уместившись на карнизе, молча и неотрывно смотрел хо-

зяину прямо в глаза. Иван же Петрович дрожал от злости и непонимания того, почему коту дозволена такая наглость, а ему – нет.

Что-то мучительно промычав, Иван Петрович, как мячик, подпрыгнул и, цепляясь пухлыми ручонками за штору, стал карабкаться вверх, машинально облизываясь и раздирая когтями бежевую ткань. Но Васи на карнизе не оказалось. Он сидел внизу, за столом, и невозмутимо поедая суп, зачерпывая его ложкой. И все-таки особенное наслаждение ему принес кусок отварной курицы, который Вася, мурлыча от счастья, ехидно кусал, тут же чуть вздрагивая, будто он ждал, что курятина оживет и зарядит ему в глаз. На Васе – костюм Ивана Петровича, его же нос, пшеничного цвета шевелюра, да что там шевелюра – у него пальцы стали один в один как у Ивана Петровича: вместо когтей круглые розовые ноготки, и колечек золотых две штуки, на каждом безымянном пальце. Даже усы отвалились – идеально выбрит. И ехидно языком цокает.

Утром он вышел из дому в пальто Ивана Петровича, отнес сумку в чужую квартиру и сказал:

– Под пуделя.

В сумке тихо сидел кот – черно-белый, с грустными васильками глаз...

Теперь у книжного шкафа сидят двое. Первый – человек, кое-как чешущий себе за ухом левой ногой, второй – кот, совершенно лысый за исключением головы, шеи и лап. Они безумно глядят друг на друга, но в их головах совсем пусто и глухо, как в стеклянной банке.

Будто этих двоих и нет. И не было никогда.

Натя Иванова

Сказка о мечтательном крокодиле

В далеком жарком Тайском Королевстве, где нет зимы и снега – там всегда тепло, и жаркое яркое солнце слепит глаза. Там много пальм, бананов, красивых и разноцветных орхидей, которые растут прямо на деревьях и заполняют своим чарующим цветочным ароматом все вокруг. На бетонном берегу среди искусственной реки, на ферме по разведению крокодилов, рядом с сотнями сородичей дремал молодой крокодил Котя.

Коте исполнилось лет так десять, длиной метра два, он был молод, неопытен и очень мечтателен. Больше всего он любил, лежа на теплом сером бетоне, закрыть глаза и мечтать...

Вообще крокодилы живут лет до ста, средние особи достигают в длину от двух до пяти метров. Но есть аллигаторы – они достигают длины десяти и более метров, но их в Тайском Королевстве нет.

На островке из теплого бетона их – довольных жизнью и еще не знавших, что ждет впереди, и сколько они лет проживут на этой ферме – сотни. Крокодилы нежились под жарким тропическим солнцем. А ждет их – разделка на мясо и шкуру, из которой шьют разные вещи, начиная с курток для людей и заканчивая брелками для ключей, из мяса – такого нежного и диетического – в ресторанах, кафе и просто уличных «забегаловках» готовят множество блюд.

Развалившись под яркими лучами, только что пообедав сырым мясом кур, прикрыв глаза, Котя мечтал, что может когда-нибудь он окажется на другом КОНЦЕ СВЕТА, в широкой теплой и многоводной реке... и будет плыть далеко-далеко. Рядом не будет этой толпы сородичей, которые так тесно жмутся к нему и все норовят теснее прижаться к холодной и пупырчатой шкуре.

«Молодцу» это надоело, он медленно пошел в воду, виляя толстым и мясистым хвостом, погрузился в прохладу, прикрыл глаза и продолжил мечтать... «Широкая река, крутые и зеленые берега, много зелени... тишина и нет вокруг шумных людей».

Вдруг чувствует, что кто-то тычет в нос ему холодной тушкой сырой курицы.

Приоткрыв один глаз, Котя увидел, что неугомонные туристы, стоя на высоком деревянном мосту, удочкой с толстой леской и мясом цыпленка на конце тычут ему в нос. Они хотят, чтобы он выпрыгнул из воды, показал трюк и проглотил часть тушки. Веселые туристы будут это все фотографировать или снимать на видео. Это называется у них – «Рыбалка на крокодила».

«Если бы они знали, как нам все это надоело. Мы хотим тихо лежать в воде или греться на солнце. Хозяин нас кормит хорошо, а туристы покоя не дают. Тысячи громкоголосых, в ярких одеяниях людей шныряют целый день туда-сюда и пялятся на нас, тычут в нас палками-удочками...» – раздражался Котя, – «Сейчас разозлюсь и открою свою пасть... и проглочу этого ненавистного

цыпленка, а то не отстанут и понежиться не дадут в прохладной воде», – думал он.

Проглотив цыпленка, Котя покрасовался перед множеством объективов фотокамер, показав свои острые зубы и большую пасть.

Прикрыв глаза, опять принялся мечтать: он убежит с этой фермы и попадет в реку, будет плыть по бескрайней теплой пресной воде, где много пищи и нет назойливых туристов, криков, шума. Встретит красавиц-крокодилиц, штук так пять сразу, а рядом не будет соперника... Какая будет у них красивая любовь, как самочки его отблагодарят и отложат яйца – плод их любви – в горячий песок на берегу этой широкой реки. Будут родители по очереди охранять и караулить свое потомство целых три месяца, а потом из двадцати отложенных каждой любимой яиц вылупятся самки, если температура песка – 31 градус по Цельсию или самцы – если 32 градуса. Он будет горд таким потомством...

Только красочные картинки стали вырисовываться у Коти перед глазами – опять чувствует, что кто-то толкает его в бок. Приоткрыв глаза, видит картину: самый крупный крокодил в их стае проглотил тушку цыпленка и не хочет разжимать свою челюсть, чтобы выпустить леску... Он мотал интенсивно туловищем и задевал большим хвостом Котю и других сородичей, бил их по бокам, спинам, головам. Он старался выдернуть удочку из рук упитанного мужчины-туриста и проглотить ее. Но наверху, на деревянном мосту, где стояли многочисленные туристы, трое мужчин мертвой хваткой вцепились в удочку и уступать крокодилу не хотели. Много фото-, видеокамер, планшетов и другой современной ерунды делали снимки и видео этой схватки.

«Мечтателю» надоела вся эта возня и толчки сородича, он неторопливо всплыл всем туловищем из-под воды и со всей силой ударил хвостом по голове неугомонного товарища. От неожиданности и предательства Коти большой крокодил с перепугу сомкнул челюсти еще сильнее – и перекусил леску.

Высоко на мостике трое мужчин с грохотом упали с ног на деревянные доски, было много шума, смеха и ругательных слов.

Сородич резко повернулся и мгновенно вонзил острые, как бритва, зубы в шею Коти.

На поверхности мутной воды показалась грязно-бурое пятно. Другие несколько десятков особей с яростью накинулись на молодого «мечтателя».

Через несколько секунд все было кончено.

Туристы, видевшие эту картину сверху, замерли на несколько секунд, в воздухе повисла «гробовая тишина». В темно-красном пятне копошились множество крокодилов.

Несколько мгновений... и молодого крокодила не стало.

... Меня послали на ...

Даже не могла предположить, что там так хорошо...

– Что происходит?

– Мне надоело твое вранье.

– Какое вранье?

– Я не буду тебе ничего объяснять.

– И что мне теперь делать?

– Мне плевать.

Она собрала чемодан и уехала. В другой город, за сотни тысяч километров, чтобы никогда не мучиться желанием встретиться и поговорить.

– Ты не знаешь, как он живет?

– Это ты меня спрашиваешь? Ты же его бросила!

... Прошел не один год с тех пор, как она собрала чемодан и уехала. В другой город, за сотни тысяч километров, чтобы никогда не мучиться желанием встретиться и поговорить. Но все равно мучилась. Мучилась долго. Пока однажды не поняла, что может спать поперек кровати, завернувшись в рулончик из одеяла, подпихнув одну подушку себе под живот, а вторую – под голову. Может, при слове «ужин» не стоять у плиты и не жарить котлеты, а завалиться в кофейню с книжкой, попить кофе и поесть мороженое. Может, проводить себе эпиляцию в любом месте квартиры, а не только в тесной ванной с плохим освещением. Может, ходить голой без всякой задней мысли, не сутулясь и втягивая живот. Может, лазать по сайтам знакомств, просто так, из любопытства. Может, позволить себе ходить с работы пешком и любоваться природой, а не бегать по супермаркету в поисках потребительской корзины, которой после плотного ужина хватает лишь на скромный завтрак. Может, позволить себе иметь свободное время. Может, позволить себе иметь друзей. Может, позволить себе иметь свои интересы.

На сайте она открывала его страничку уже не один раз. Милое, открытое лицо. Симпатичный. Он зацепил ее своей анкетой.

«Имя французское. Для простоты общения друзья зовут Филлип. Лет прожито не мало, из них високосных – десять, в браке пятнадцать, в разводе 36 месяцев. Количество волос на голове много, из них есть седые, есть кудрявые, остальные русые. Глаза карие. По настоянию друзей в очках. Большой человек, по данным последнего медицинского осмотра: 1 метр 95 сантиметров. Не альфонс. Не рабочий. Есть диплом. Работаю не по специальности. Имею окна в квартире в количестве семи штук. Оценка по физкультуре в школе – пять. Оценка по французскому языку в институте – пять. Оценка по химии в таблице за 6 класс – пять. Есть дети, самостоятельные и взрослые. Есть машина. Количество паспортов – три. Количество реинкарнаций – 24, из них в России – 2 (думаю в человеческом теле). Объем памяти мозга 20 триллионов гигабайт, из них используется 10%. Смысл жизни понял в шесть лет. Курить бросил в десять лет. Количество открытых чакр семь. Температура тела – 36,6 градусов на момент составления анкеты».

Ей нравилось читать его форум. Хорошее чувство юмора. Интересно – это он сам пишет или откуда-то сдувает. Иногда она писала ему: «Спасибо за хорошее настроение!» Иногда спрашивала:

«Правда ли все то, что вы пишете?» Ответ не получала никогда. Даже обидно! Когда она по-настоящему обиделась, пришло сообщение. Милое, открытое лицо предлагало дружить. В ту самую секунду, когда она нажала кнопку «Да», ее жизнь повернулась невесть куда, только она еще об этом не знала.

...

– Доброе утро, подружка!

– Привет француз!

...

– Ты жив, француз?

– Как никогда!

...

– Как прошел день, милая?

...

– Настроение упало. Никак не найду. Помогите?

...

– Ты нашла своё настроение?

...

– Умирую.

– Сделай глубокий вдох, задержи на 10 секунд дыхание и потом резко выдохни. И так 40 минут. Если не умрешь – напиши.

...

«Работаем мы в разных местах, а жить будем вместе», – фраза из какого-то старого фильма. У них всё было с точностью наоборот, как во времени, так и в пространстве. Работали они примерно в одном месте (разные филиалы одной большой компании), но жили они не просто в разных местах, жили они в разных городах с приличной часовой разницей. Ее утро начиналось с его длинного, длинного сообщения и чашечки кофе. Его утро начиналось (она так надеялась) с ее длинного, длинного сообщения, которое она успевала написать в обеденный перерыв.

...

– Как ты догадался?

...

– Черт возьми! Где ты шаталась всю мою жизнь? Почему я раньше тебя не встретил?

...

– Наш человек!

...

– Мне так легко с тобой.

...

– Мне так хорошо с тобой.

...

– Ника, ты так изменилась. Глаза горят. Похорошела. Что у тебя нового?

– Маруся, я влюбилась.

– Я его знаю?

– Маруся, – она обняла свою подругу. – Я сама его не знаю.

– Во – дает! И как это, дорогуша, понимать?

– Маруся! Потом, потом...

– А твой бывший как к этому относится?

– Не знаю. Я не спрашивала.

– Во – дает! Но вы развелись официально?

– Нет. А зачем? Замуж я не собираюсь.

– Высокие отношения!

– Я такая счастливая, Маруся! Отстань от меня, пожалуйста, и не завидуй.

– Ой, Ника. Какой завидуй? Я боюсь за тебя. Звони. И обязательно дай мне знать, когда пойдешь на свидание. Сейчас вон маляков полно. Буду тебе названивать каждые 15 минут!

– Помилуй, с тебя станет!

Они посмеялись, пообнимались и разбежались.

«Что за меня бояться? Большая девочка: 1 метр 70 сантиметров, как бы он сказал», – подумала она. Бывший муж. Она совсем про него забыла. И только сейчас, после встречи с Марусей, вспомнила о нем. Она даже ущипнула себя, больно, для того, чтобы понять: она это или нет. Бывший муж. Заноза в ее голове под лозунгом: «Как он там, что он там!» Он исчез из ее головы. Он исчез из ее жизни. А она этого даже не заметила. А ведь любила больше двадцати лет. А может, не любила? От этих дум ей стало грустно и не уютно.

...

Ее сотовый телефон пропел о получении новой sms: «Ты где? Я жду тебя на сайте! Не беги сразу. Аккуратно, но быстро».

Его сотовый телефон пропел о получении новой sms: «Я бегу. Жди!»

...

– Я сегодня лечу в Питер. Если ты прилетишь хотя бы завтра, мы сможем побыть вместе два дня. Если не понравлюсь, обещаю не приставать. Если совсем не понравлюсь, в Питере есть Эрмитаж. Забавное местечко, там можно прожить два дня. Познавательно, тепло, кормят (правда, за деньги, это я беру на себя) и на ночь не выгоняют. У них дни (ночи) музеев наступают.

– А в Эрмитаже есть душ?

– Устрою.

– Я завтра прилечу.

– Молодец! Когда выйдешь из самолета, запомни: самый красивый мужчина в аэропорту с журналом «Огонек» за 1977 год – это я!

– Хорошо, я запомнила! Имей в виду, когда будешь встречать – я близорукая, но очень красивая!

– До встречи, подружка.

– Встречай, француз.

Среди встречающих он на самом деле был самым красивым. Высокотелый, с горящими глазами и доброй улыбкой. У нее затряслись колени, насколько он был хорош собой. Вчера пришлось работать до «победы» взамен на три дня отгула, она не успела сделать маникюр, она не выпалась, боже мой, она еще и не накрасилась. «Я самая красивая. Я самая красивая. Я самая красивая», – мычала она себе под нос пока шла к нему на предательски подкашивающихся ногах. В тот момент, когда она решила подойти к нему несмотря ни на что, ее жизнь повернулась невесть куда, только она еще об этом не знала.

– Привет, Ника, – он собрал ее в охапку и крепко поцеловал.

– Здравствуй, Филипп, – она смутилась и выбралась из его объятий. – Рада познакомиться.

– Ты что, заболела? Какой познакомиться? Мы с тобой уже полгода с глазу на глаз. Или за тебя мне писала твоя соседка?

– Не дожدهшься, – она дотянулась до его губ и поцеловала. – Привет, француз.

– Слава, Богу. Я почти испугался, что тебя подменили. Что едим, что пьем, где спим?

– Кофе пьем. Кружками.

– Наш человек. Питер, дорогая моя, город интеллигентный, – Филипп обнял её за плечи и вдыхал запах её волос. – Здесь кофе подают в маленьких чашечках. А кружками – это только ко мне домой.

– Как домой? Ты же из ...

– Питер – это мой родной город. Я здесь живу, а вот там я в вечной командировке.

Филипп подхватил ее сумку, сжал ее ладошку и зашагал быстро и уверенно. Ей стало так хорошо, спокойно, надежно и совершенно все равно, куда она идет или едет, главное с ним.

...С ним все было впервые. Двадцать лет она была замужем. Двадцать лет она думала, что любила. Двадцать лет она считала,

что любима. С ним было все впервые и все иначе. Впервые она одновременно задышалась и теряла сознание от перенасыщения кислорода. Впервые она просыпалась оттого, что ее укрывают. Впервые каждая клеточка ее тела научилась чувствовать его руки и горячее дыхание. Впервые она поняла значение слов нежность, любовь, слабость...

«Похоже, я влипла...»

Ее жизнь превратилась в ожидание, в ожидание его в аэропорту, на сайте, на пороге дома, у телефона.

«Похоже, я влипла...»

Он заполнил собой весь ее мир. Беспощадно, не оставив ни одного сантиметра ее личного пространства. Как он ее раздражал! Как раздражал и притягивал он ее! Как заставлял ее думать только об одном – о неистовой ночи с ним! Думать о том, что ей больше никто не нужен и ничто не нужно.

«Я не боюсь! ... Еще как боюсь!»

«Я боюсь зависимости. Я слишком долго и безнадежно зависела от всего и от всех».

«Я свободна! ... И что делать с этой свободой?»

Большая, гладкая змея сомнений из прошлой жизни сковывала ее движения и все попытки освободиться – лепет, жалкий лепет: «Я не боюсь, я не боюсь!»

– Да, милочка, – змея смотрела на нее стеклянными глазами. – Тебе – хана.

– Уйди прочь! Мне не страшно. Я свободна.

– Не ври. Ты приросла кожей.

– Нет! Я не могла. Я же знаю, что так нельзя. Или я по-другому не умею?

– Ты приросла кожей. Теперь твоя свобода вернется к тебе только через боль.

– Может, мне не нужна свобода. Может мне хорошо с ним, и я буду счастливой.

– Да, милочка, – змея смотрела на нее стеклянными глазами. – Ты думаешь, если он с тобой спит, ты нужна ему?

– Я люблю его! – слезы текли из ее глаз. – Я люблю его!

– А он? Ты знаешь, что будет, когда ты раствориться в нем до конца.

Эта змея в прошлой жизни всегда появлялась в минуты счастья. Большая, гладкая, холодная. Она смотрела стеклянными глазами и говорила: «Радуйся? Радуйся. Завтра не забудь, что за все в этом мире нужно платить». Прошлое не отпускало. Она знала, что бывает, когда ты полностью отдаешься и растворяешься до конца. Ты перестаешь существовать. Тебя в любой миг могут выбросить, как отработанный срок механизм.

– Я люблю его! – слезы текли из ее глаз. – Я люблю его!

– А он? Не каждый мужчина способен переваривать любовь. Подумай. Кожу можно содрать, поцарапаться. А что будешь делать, если мясом прирастешь к нему? Вот тогда, точно не оторвать!

...

«Мне нужно думать. Пожить без него. Попробовать. Мне нужно время».

Она перестала писать ему в обеденный перерыв. Она заставляла себя не отвечать ему. Она пробовала научиться жить без него. Она мучилась и «обнималась» с большой гладкой змеей. От этого было очень холодно. Змея кольцом висела у нее на шее и шептала: «Все правильно».

...

– Что там у тебя происходит?!

«А что у меня происходит?», – подумала она.

– Ника! Ответь!

«Я не могу сейчас говорить. Поздно. Я сплю»

– Я тебя обидел? Ты мне не веришь? А может, у тебя денег нет, и ты сдала свой бук в ломбард?

«Очень смешно. Обхохочешься»

– Ника! Я скучаю.

Она рыдала, она болела, она целовала его фотографию, но она знала, что будет, когда раствориться до конца. Это она уже проходила в течение двадцати лет в своей прошлой жизни.

...

Она не просто проснулась. Она не просто соскочила посреди ночи. Что-то ее подбросило, встряхнуло и поставило на ноги.

«Дура! Какая же я дура! Зачем мне свободная жизнь? От кого я пытаюсь освободиться? От него? Да я жить без него не могу!» Она схватила дорожную сумку и начала сбрасывать туда свои вещи.

– Что, милочка, тебе показалось, что тебя позвали? – большая, гладкая змея смотрела ей в глаза.

– Уйди!

– Тебе показалось. Ты даже не знаешь, один он сейчас или нет. Что ты ему скажешь, после долгого молчания? – большая, гладкая змея смотрела ей в глаза.

– Уйди!

– Где твоя гордость? Или я чего-то не знаю? Может, он тебя замуж позвал? – большая, гладкая змея смотрела ей в глаза.

– Нет! Не позвал! Но я хочу уснуть в его руках, чтобы проснуться от его теплого дыхания. Сидеть, поджав ноги и слушать, как он говорит. Хочу смотреть фильм, положив голову ему на грудь. Хочу брать его под руку, выходя на улицу. Идти с ним рука в руке, иногда сжимая пальцы. Разглядывать его улыбку во сне. Подойти и обнять его со спины, вдохнуть его запах и уткнуться носом в шею. Хочу дунуть на него, чтобы он повернулся и поцеловал меня. Я люблю его! Я буду счастливой!

– За счастье нужно платить.

– Ложь! За счастье не нужно платить! Я не торгуюсь! Я буду счастлива оттого, что буду дарить ему счастье! Уйди! Я не отдам тебе свою любовь!

Большая, гладкая змея смотрела на нее стеклянными глазами, вдруг она стала уменьшаться и превратилась в маленького ужа, с глазками-бусинками. Теперь она точно знала, что больше никогда в жизни не поверит глазкам-бусинкам и не впустит в свою душу

ни одну змею...

– Девушка, пожалуйста, мне нужно сегодня улететь любым рейсом!

...

Чужой город ее не ждал и не держал. В аэропорт она приехала на этот раз не за двадцать минут, как обычно, а как нормальный человек, за два часа. Объявили, что самолет из ее родного города приземлился. «Хорошо. Теперь точно улечу вовремя. Хотя в этом повезло». Она наблюдала за прилетевшими и встречающими. Кто-то обнимался, кто-то тащил огромные сумки, кто-то высматривал любимого, а может, не любимого, а может так же как она, просто рассматривал. Людей было не много. «Как мало людей. Наверное, самолет будет маленький и придется лишний час трястись в небе».

– Ника! Откуда ты здесь?

Он стоял так близко, что у нее моментально подкосились ноги.

– Я была под твоей дверью. Никто не открыл.

– Ты не нормальная! Твою дверь тоже никто не открыл, пока я там был.

– Ты не нормальный!

– Видимо, это заразно.

– Филлип, я так рада тебя видеть!

Она бросилась ему на шею. Сильное кольцо из ее рук мешало ему дышать. «Господи, только бы ее руки никогда не разжимались», – подумал он и поцеловал ее. Они целовались в проходе, прилетевшие и встречающие с пониманием их обходили.

– Господа! Вы не могли бы отойти в сторону и целоваться там, сколько вам угодно!

– Мы не можем, – одновременно ответили они. – Мы очень долго не виделись!

...Самое забавное началось тогда, когда Бог разделил человечество на мужчин и женщин...

– Ты меня удивляешь. Жизнь тебя ничему не учит. Нельзя быть такой наивной, тебе сколько лет!

«А сколько мне лет? Дата выпуска по паспорту совершенно не соответствует моему восприятию мира. Наверное, Люся права – я сумасшедшая. В моем возрасте нужно быть степенной, рассудительной, а главное, последовательной. Сначала подумала, потом сделала. У меня же все наоборот – сделала, а потом подумала. Вот закажу себе в следующей жизни быть мужчиной. И будет у меня все тип-топ. В этой жизни я – женщина. И это забавный эксперимент...»

– Люся, дорогая, не ругай меня. Да, я виновата, но я ведь не со зла.

– Что значит не со зла, Маня? Ты мне объясни, как мужчине можно сказать: «Вы плоский!»

– Ну, Люся. Он меня не дослушал. Я хотела сказать, что он, как тебе объяснить, в смысле двухмерный что ли. Я совершенно не хотела его обидеть. Он умный, красивый, но двухмерный. Он меня просто не дослушал.

– И уже никогда не дослушает, Маня. Я так хотела вас познакомиться. Столько много ему о тебе пела. А ты, краса – девица: «Вы, Николай, плоский!» Как только в голову такие мысли залетают. Нет, мысли, может быть, залетают ко многим, вот только, не у всех с языка срываются. Маня, тебе уже тридцать пять. Ты замуж

хочешь? Ты детей рожать хочешь?

– Хочу.

– Хочет она. И что теперь делать будешь?

– Я? Я, наверное, утоплюсь. У меня разве есть другие варианты? Хотя, нет, у меня есть вариант.

– Очень интересно послушать.

– Мы идем в кафе есть мороженое – Маня уткнулась в плечо подруги. Я приглашаю нас в кафе.

– Идем, объемная моя, – Люся улыбнулась и обняла подругу. Но больше я тебя ни с кем знакомить не стану. Сама, сама теперь.

– Само появится, если появится. Люся, я так устала быть в активном поиске. Хочется, чтобы меня нашли уже, черт возьми. Может, тридцать пять лет – это не много?

– О, да! Это совсем ничего. Впереди еще лет сто, как минимум. Ты все успеешь!

Люся – подруга с детства. С мужчинами никаких проблем. В двадцать лет влюбилась, вышла замуж, родила двух мальчишек. Проблема у Люси только одна – это я. А моя проблема – это мужчины. Не могу сказать, что я синий чулок. Но вот так, чтобы полюбить и замуж пойти, такого варианта не было. Там, в небесной канцелярии может, было, мною подписано предназначение – стать хорошей женой и родить кучу детей. Но, похоже, мне до моего предназначения, как сказала Люся, сто лет пути. В следующей жизни нужно постараться оказаться мужчиной. Интересно, какое предназначение подписывают они, мужчины. И дата выпуска по паспорту их никак не смущает. Этакие сорокалетние Коли

без жены и детей, и ничего. В пятьдесят лет женятся на двадцатилетних девушках. И все у них тип-топ. А здесь, тебе тридцать пять, и тебя оценивают и прикус проверяют, и обижаются, если ты, милая моя, не готова в омут, в шалаш или на край света...

– Марина Николаевна, а у вас командировка. С вами командировка еще у Дениса и Ольги. Вы, Марина Николаевна, главная. Командировка на две недели в Калининград. У нас новый заказчик и ваша задача все проверить на месте, отчеты, налоги и честность нашего заказчика в его намереньях. Вылетаете через два дня. А через две недели жду от вас отчет, по всей форме. Заказчик, по предварительным переговорам для нас интересный, так что со всей внимательностью и доброжелательностью прошу вас отнестись к этому заданию. Вопросы есть?

– Есть, Олег Владимирович. У меня отпуск через неделю.

– Вопросов нет! Отпуск после командировки и после отчета. Вы же человек свободный от семьи и поэтому я вас попрошу, со всей ответственностью отнестись к этой работе, а по приезду, если хорошо справитесь, будет премия. А с премией, Марина Николаевна, отпуск куда более приятный, чем без премии. Так что в бухгалтерию за командировочными, и Дениса с Ольгой с собой в бухгалтерию, за тем же самым.

«Похоже, сто лет сплюсциваются. Если, как свободный человек от семьи, я буду в каждой дырке затычкой, придется рассмотреть вариант шалаша и края света. Но сейчас, при отсутствии какого либо варианта, прощай, отпуск, и здравствуй, работа!»

– Маня, как здорово. Калининград – это же песня! Какой молодец, твой Олег Владимирович. Подумаешь, отпуск у нее. Где отпуск? На даче с книжкой? Я понимаю уныние, если туристическая путевка пропадает, а так. Твой начальник – умница. Еще и премию обещал. Ты в Калининграде была?

– Нет, не была. Я, Люся, хочу в отпуск. Хочу спать, читать и ничего не делать.

– Будешь спать, читать и ничего не делать через две недели.

– Какой через две недели. Отчет писать еще неделю. Так что, выспаться смогу только через месяц. А еще с Денисом лететь нужно.

– А кто у нас Денис?

– Никто.

– Плоский? – и они рассмеялись.

– Нет. Четырехмерный!

Самолет улетал рано утром. Марина приехала в аэропорт за час до вылета. У стойки регистрации она встретила Ольгу. Накрашена, причесана, элегантно одетая Ольга была хороша, молода и радостна. Увесистый чемодан Ольги просто кричал Марине, что работа никак не вписывается в планы хозяйки, по крайней мере, на ближайшие две недели. Вскоре появился Денис, в джинсах, в толстовке, с небольшой спортивной сумкой. Рядом с Денисом ее, Маринины, кудряшки, которые она не успела вытянуть феном, смотрелись гармонично, и уже только за это Марина была благодарна Денису.

– Привет, Ден. Вы такие молодцы с Мариной Николаевной. Такой небольшой багаж. А я так не умею. Две недели все же. Взяла все самое необходимое и вот тебе – целый чемодан получился.

– Не переживай, Оленька. С опытом поймешь, что главное – не большой чемодан, а увесистая кредитка. Верно, Марина Николаевна?

– Не знаю. Мне в работе не требуется ни кредитка, ни чемодан.

– Поняла, что сказал начальник, – Денис помог Ольге сдать ее чемодан в багаж. Так что ни ты, ни я не угадали.

Двигаясь на посадку в самолет, Марина наблюдала за игривой Ольгой и веселым Денисом. Предстоящая работа в команде с двумя подчиненными, такими как Ольга и Денис, не утешала Марину своими перспективами. Она вспомнила последние наставления Олега Владимировича: «Марина Николаевна, нужно изучить заказчика, так сказать, изнутри. Оценить надежность его кредитоспособности. Мы построить можем все. Но будет обидно, если деньги заказчика вдруг закончатся, в самый, так сказать, неподходящий момент» И как она это будет оценивать, когда одна везет чемодан нарядов, а другой не против подержаться за женскую талию. Одна, за две недели? Спасибо, вам, Олег Владимирович. Нет, нужно срочно что-то менять в жизни. Или научиться в командировки ездить с большими чемоданами, на шпильках и с прической, или замуж...

– Марина Николаевна, мы неплохо поработали, верно? – Денис подпывал свой кофе и улыбался.

Он хорошо улыбался. Он хорошо одевался. Он хорошо работал. Он хороший, правда, хороший. Хорошо, что Олег Владимирович отправил с ней Дениса. Он оказался классным специалистом: умным, цепким. Без Дениса она бы не справилась.

– Верно, Денис. Я, если честно, не надеялась уложиться в срок. Спасибо тебе.

– И Оленька нам не мешала, даже, наоборот, без ее участия мы не смогли бы так сблизиться с местным руководством.

– О да! Как бы сказала моя подруга, – и они рассмеялись.

– Марина Николаевна, а давайте я покажу вам город. Быть в Калининграде и не погулять по набережной – это преступление.

– Денис, после набережной ресторан? Но у меня нет ни чемодана, ни увесистой кредитки.

– Можно и в ресторан. Но я хочу вас пригласить на обед в мою семью, познакомить с дочерью.

– Как в семью? Ты женат и твоя семья живет в Калининграде?

– Был женат. В Калининграде мои родители живут. Это мой родной город.

– А жена?

– Жена в Америке. Она после развода вышла замуж и уехала. Дочь осталась со мной. Дочери сейчас двенадцать лет, и она живет с моими родителями. А я в Москве, так сказать, зарабатываю.

– Дочери двенадцать, а тебе Денис, извини, сколько лет?

– Мне сорок два.

– Ты выглядишь моложе.

– Это генетика. В юности я злился и ходил с паспортом. А сейчас хорошо, даже нравится, – Денис улыбнулся.

Они до вечера гуляли по набережной. Вечером поехали к родителям Дениса. Марина волновалась, ей очень хотелось понравиться его родителям и его дочери. Она не знала, понравилась она или нет, но они так хорошо ей улыбались и мама, и дочь, что Марине они не просто понравились, она влюбилась. Влюбилась во всех и во все. В город, в маму, в дочку, в Дениса. Бульк и все...

Через два месяца, после возвращения из командировки, Денис с Мариной подали заявления в загс. Отчет по командировке был сдан.

Вера Курьянович

Они читали друг друга

Они читали друг друга:
Рассказы, стихи, прозу;
Слова дарили друг другу,
Как дарят любимым розы.

Они читали друг друга
По взглядам, в сердце звенящим,
И понимали друг друга
По паузам говорящим,

Они читали друг друга,
Забыв обо всём на свете,
Тянули друг к другу руки
И в почте, и в интернете,

Они читали друг друга,
Как в зеркале отражаясь,
И, как бесконечности круга,
Чуду любви поразились.

14.08.15

Лирическое

Когда я увижу тебя,
Я забуду слова, буквы, звуки...
Говорить нам с тобой запретят
Губы, жадные после разлуки.

Когда я увижу тебя,
На Земле остановится время.
Превратится секунда в год,
Обращая часы в Вечность.

Когда я увижу тебя,
Затаится от счастья сердце;
Станет небо в улыбке сиять
Чудом радуги над Смоленском...

03.07.15

Нелирическое

Когда лягут, повержены, музы
Громом-молнией жёсткой реальности,
Я забуду былые грёзы,
И услышу язык обывательский.

Он, как хлесткие плети, безжалостен,
И не любит приличье внешнее,
Но, как душ ледяной отрезвляющий,
Он на землю бросает нас грешную.

Мы забудем слова нежные,
Перейдя на язык обывательский,
Где ухмылкой неизбежно
О святом говорить полагается.

Где любовь равносильна пошлости,
И приправлена шуткой скабрёзною,
Где – увы! – подозрение в подлости
Аксиомою стало железную.

Где святые лохами кличутся,
Где открытые души оплёваны,
Где значение и величие
Конвертируются в нефтедоллары.

Но не будем язык обывательский
Изучать как предмет обязательный!
Ведь нельзя же с ухмылкой продажной
Говорить о великом и важном.

04.08.15

Давай сегодня делать невозможное!

Вместо эпиграфа:

- *Сегодня ночью мы будем с тобой делать
то, что делать нельзя.*
- *Делить на ноль?*

(Неизвестный автор)

Давай сегодня делать невозможное!
Разделим на ноль, округлим число «Пи»!
Простым мы сделаем всё сложное,
Чтоб «никогда» не говорить!

Напишем мы свою историю,
Отличную от мировой,
Откроем новую теорию,
Где мир не будет жить войной.

Закон нарушим тяготения,
Поднявшись ввысь в мечтах своих,
И времени прервём течение,
Чтоб в вечность превратился миг!

18.07.15

Кусочек счастья

Из образов тёплых,
Волшебных и нежных,
Из слов, что рождают
Любовь и надежду,

Из солнца,
Что сушит слезу на щеке,
Из ветра,
Что губы прижал мне к руке,

Из земляники
На тёплой ладони,
Из прикосновенья,
Что сердце запомнит,

Из струй родника,
Что искрится по кочкам,
Соткался мой маленький
Счастья кусочек.

05.07.15

2000 км и 1 мм

*Посвящается моей подруге О. З.
и дорогому ей человеку*

Когда расстоянье
Нам руки свяжет,
Нас, будто паззла
Кусочки, разрежет,

В слово вложу,
Что сердце скажет.
В буквы вложу
Безбрежную нежность.

Взглядом я съать
Расстоянье пытанью,
Мостик создав
Из наивной надежды.

Чтобы забыть
То, что нас разделяет -
2000 км
С миллиметром одежды.

30.03.2015

Иллюзии

Притворюсь, что тебе верю,
Кивну головою.
Притворюсь, что тебе верю.
Соглашусь с тобою.

Замок призрачный обмана
Манит своим светом.
Хорошо, тепло, спокойно
Жить мне в замке этом.

Лжи цветное покрывало
Правду одевало.
Правда серая пропала,
Будто не бывало.

Умолчанье боль притупит,
Страх мрак развеет.
Тишины покров
Сомненья зёрна не посеет.

Я блуждаю в лабиринтах
Твоего обмана –
Это призрачное счастье
Сплела я из тумана.

Притворюсь, что тебе верю
Кивну головою.
Обману себя.
На время
соглашусь с тобою.

Я закрою на время глаза
От реальности, жёсткой без меры.
Стать хочу я на время слепой,
Чтоб, как светом,
жить призрачной верой.

Верой в счастье, взаимность, любовь
Верой в то, что сливаются души.
Я закрою глаза вновь и вновь.
Чтобы разума голос не слушать.

Он, как лектор: и строг и суров,
Растолкает меня, как студента.
«Почему снова спишь, как сурок?» -
Оглушит меня голос доцента...

Под лучами призрачной,
Придуманной луны
Спящая красавица
Видит свои сны.

Сладко убаюкана
Ритмом нежных слов,
Ничего не ведает,
Кроме сладких снов.

Губы улыбаются
Так жизнь хотят испить!
И жалко нам красавицу
В жестокий мир будить!

Отрывок из романа "Воронка бесконечности"

Какой яркий солнечный день – первый день мая!
Она раздвинула шторы, приоткрыла окно – в комнату ворвался, не вошел! – свежий весенний воздух

Деревья прямо на глазах надевают на себя широкие светло-зеленые кимоно, окутываются нежной прозрачно-зеленоватой кисеей с изумрудными пуговичками. Небо смотрит свысока. Счастливое небо – глубокое, синее-синее, и во всем огромном небе не видно ни одного, даже самого крошечного облачка. Оглушительно счастливое небо. словно вечером накануне Первомая старательные хозяйки устроили генеральную уборку: надели фартуки, повязали головы косынками, взяли тряпки – и вымыли небо, будто гигантское окно, средством для мытья стекол, а затем еще и тщательно протерли его до блеска, не оставив на нем ни малейшего пятнышка. И свежий весенний ветер дышит радостью, искрится.

В конце первого курса приходилось много заниматься. Лекции, семинары, доклад, латынь и итальянский. Теперь вот курсовая по истории римского права в первом веке, и зачеты, как назло, навигаются... А потом еще целых четыре экзамена! И до окончания сессии так далеко!

День спешил, быстрыми шагами шел к вечеру. В окно постучал голубой предвечерний час, прозрачный и звонкий, как бывает только в начале мая. Она распахнула окно настежь, чтобы впустить его.

Захотелось чаю. В кухне, ставя на конфорку чайник, она вздрогнула – таким неожиданным оказался звонок в дверь. Но самое удивительное было в том, что она точно знала, кто пришел, словно ждала именно его сегодня вечером.

Ну конечно, это был Олежка!...

Коротко подстриженные светло-каштановые волосы, как всегда, тщательно причесаны. Принарядился, элегантно одет: тонкий, безупречного покроя, красивый джемпер, в тон ему брюки, а стрелки на них – стрелками резать можно! А туфли начищены так, что он может в них посмотреться, как в зеркало, и, достав маленькую расческу, немного поправить волосы (как он всегда и делает, приходя в гости...) И изящный букет алых роз в руках.

Все это она отметила с удовольствием. Что ж, ничего удивительного, все правильно.

А темно-серые глаза смотрят чуть насмешливо – вон какие они шустрые, эти горячие смешинки с хитринками, вон же они притаились, где-то на самом доньшке глаз, и снова затевают игру в прятки – ух ты, как носятся! И улыбается он по-весеннему, светло, открыто... Да нет, вот как раз в улыбке что-то такое прячется! И вид смущенный, но почему-то... может быть... непонятно... торжественный, что ли? Или показалось?

Олежка ей нравился, еще с восьмого класса. Ничего серьезно, конечно. Но она чувствовала, что нравится ему. А как хочется, как нужно это знать в семнадцать лет!

– Здравствуй, Майя! С праздником тебя! С Первым мая. Что делаешь?

– Привет! И тебя тоже – с праздником! А, да вот курсовую пишу, мне ее уже сдавать после праздников.

– Слушай... а ты... вообще-то... ну как... а ты не хочешь слегка передохнуть? А то сидишь здесь, наверно, целый день, в душевной комнате, а сегодня ведь все-таки праздник. Знаешь, что... а давай в кино сходим или ко мне зайдем – у нас друзья в гостях, весело! А то просто погуляем. Как ты захочешь. Ну, давай, хоть

ненадолго!

Олежка вел себя немного скованно – он явно испытывал неудобство. Держался натянуто, и было в его поведении сегодня нечто неуловимое. Точно! Что-то ее сразу насторожило. Да нет! Ничего странного в этом как будто и нет: он ведь такой неожиданный! Чуть позднее серой мышью проскочило, царякнуло ощущение – он что-то решил!? И это касается ее... Да, похоже... Точно!.. Да нет, показалось!

Может, и правда стоит? Ведь так надоело корпеть над курсовой... Да и время совсем еще детское. И правда, ничего же не случится – она еще легко успеет написать страницы три, а то и четыре, когда вернется.

Она попросила его подождать внизу, у подъезда.

Это был путь длиною в жизнь.

Они шли медленно, часто останавливались. Он смотрел на нее темно-серыми глазами, ставшими внезапно такими яркими, горячими. Взгляд этот то обжигал, то обволакивал густым туманом, проникал внутрь, затягивал в омут горячей острой опасности. Земля вдруг задрожала, закачалась под ногами. Сладкая дрожь пробегала, как легкая, даже приятная судорога, по телу, смятение, растерянность, тревога толкались, отпихивая друг друга... И как-то совсем уж непонятная, судорожная радость овладела всем ее существом, радость, возникшая именно от этого острого чувства опасности, – она вдруг осознала это отчетливо – как будто кто-то рядом толкнул ее и громко произнес: «Опасность!»

Так бывало в раннем детстве, когда набедакуришь. И потом, лет этак в тринадцать: когда родителей нет дома, а ты, позвав в сообщницы главную подругу Аленку, вдруг, просто из озорства, приложишься, как бы невзначай, к стоявшей в баре бутылке коньяка – ну, совсем чуточку-чуточку, самую малость! Может, родители и не заметят? Или, взяв тайком из лежавшей в баре пачки сигарет две – для себя и Аленки – и закрывшись от бабушки в своей комнате, сделаешь две-три затяжки...

И себе самой никак не объяснить, отчего возникло вдруг это непонятное, острое чувство тревожной радости, а быть может, счастья. Возможно, потому, что впереди еще целая жизнь – и совсем скоро взрослая жизнь. И в плоть и кровь проникала уверенность, неизвестно откуда появившееся знание, что счастье непременно будет – и будет огромным, как сам мир! Ведь иначе непонятно, зачем же дана тебе эта жизнь.

Она еще успела подумать... Нет, скорее снова услышала чей-то голос – чей? – предостерегающе прошептавший:

«Стоп! Подожди. Подумай, что может из этого получиться?..» Но слишком тихим был этот голос, и слишком сильным и неотвратимым – то непостижимое, огромное, постепенно заполнявшее все её существо чувство, что неудержимо увлекало, затягивало в горьковато-сладкую темную неведомую Воронку...

Страшно... Сладко... Опасно... Но так хочется пролиться туда, в нее, внутрь... Так хочется поверить!

Нет. Не надо. Опасно. Нельзя. Там тупик! Стоп!

Да! Хочу! Это счастье! Оно будет! Точно будет!

Разум и логика затеяли игру в прятки с интуицией и чувствами.

Нет! Она не могла воспротивиться этому внезапно захватившему ее чувству. Щеки польхали, руки были холодны, как лед. Она вся дрожала. Шустрые, горячие смешинки с хитринками в его глазах прожигали насквозь, завораживали – зачарованная, она не могла отвести от него своих сине-серых глаз. И слушала его

голос, и не понимала, как же могла его забыть, ведь ей это всегда так нравилось: слова у него торопятся, бегут-бегут друг за дружкой вдогонку, и перекатываются, и кувыркаются, и играют друг с другом не то в догонялки, не то в салочки, а последние слова стремятся опередить, перегнать, перепрыгнуть через те, которые он произнес раньше... Да, вот так он всегда говорил, когда был увлечен, когда ему было хорошо... И с наслаждением вдыхала его запах – горьковато-сладкий, мягкий, почти неуловимый... запах неповторимый, обволакивающий, очень мужской и как-то странно, непонятно почему знакомый, но совершенно забытый, словно родом из детства... или из другой жизни – она не знала, не помнила её.

...И внезапно она его вспомнила, этот запах. Как же он притягивал ее еще тогда – когда это было? Ах, да, давно-давно, почти в другой жизни. В восьмом классе, когда они ходили по вечерам гулять вчетвером – она, Аленка, Олежка и Серый – ездили на каток «Кристалл» в Лужники. И там, на катке он однажды ее поцеловал... Вечер студёный, мороз обжигает лицо, хорошо, что ветра нет! Но им все нипочем, тепло, куртки распахнуты, шарфы сбились на сторону, а щекам горячо, вон как пылают. Они с Олежкой катятся быстро-быстро, взявшись за руки, весело болтают, хохочут... Вот у нее слетела шапка, а он быстро подхватывает ее и сам натягивает ей на голову и что-то приговаривает ворчливо, но ничего не слышно – музыка распростила крылья над катком, порхает, летит, гремит... а руки у него горячие-горячие, а волосы у нее запутались, растрепались, полощутся по ветру. И он пытается их пригладить, пристроить шапку на место, легкими касаниями дотрагивается до ее лица, шутит, подсмеивается над ней. Все, получилось, и они лихо катятся дальше и громко смеются – ой, как быстро и весело, аж дух захватывает!

Так бывает во сне, когда летишь куда-то, легкая, точно пёрышко, и не можешь остановиться...

А потом музыка изменилась, и потекла, разлилась над катком какая-то тягучая, трогательная, очень нежная мелодия, и они тоже покатались медленно-медленно, в такт музыке, и уже не смеялись, а только молча смотрели друг другу в глаза. И вот тогда он притянул ее к себе и поцеловал, тоже нежно и вроде бы мимолетно, случайно – но как-то особенно... До чего у него губы горячие, обжигающие, как неуловимы его движения, какое жаркое дыхание у них обоих... Ой! Что это еще такое за шуточки? Нет, это было уже другое. И сам-то он, наверное, не ожидал, смутился, кажется, покраснел, и они еще чуточку, пока не погасла над катком последняя искра той нежной мелодичной чудо-песни, покатались вместе – и молчали. А потом, когда началась новая мелодия, он догнал, схватил за руку, закружил на льду Аленку и до конца вечера катался уже только с ней... Но ведь и тогда этот запах показался ей каким-то особенным. А еще и откуда-то смутно знакомым.

Зима. Детство – или уже юность? Мороз и музыка. Румяная горячая радость. Искренний невинный флирт... Интересно, помнит ли он об этом?

И ты вслед за ним устремилась – беспечно, легко.
Зачем? Я не знаю. По неизвестной причине.
Змей воздушный влечет – вон как взмыл высоко!
Где ты теперь? А змей, он парит и поныне.¹

Посмотрел на них тихий кобальтово-синий вечер, чуть слышно вздохнул, недоуменно пожал плечами и быстро ушел прочь. Только несколько раз оглянулся украдкой. Обиделся, наверное.

Что же случилось? Она не понимала. Голова кружилась. Сердце стучало медленно, гулко, тревожно. В звездном темно-синем кобальтовом небе громыхал гром... Или то салют гремел? Да, кажется... гремел салют, щедро поливая небо разноцветными струями, раскрашивая его яркими сверкающими брызгами небесного фонтана... И летали молнии, и ослепляли. Только они ничего не видели и не слышали.

Что это было? Внезапная вспышка? Озарение? Ливень, первая

¹ Куплет песни итальянского поэта и певца-барда Фабрицио Д'Андре '«Песнь о Маринелле». Мой авторский перевод.

гроза в начале мая? Но небо было чистым, вон как звезды ярко светят, подмигивают им с неимоверной высоты. Термоядерный взрыв? Какое-то иное – четвертое, пятое, седьмое измерение? По-пусторонняя реальность?

Но что-то происходило.

Они пропали. Оба. Сразу. Они ничего не видели вокруг себя. Улица пропала. Звезды погасли. Весь мир погас... Пришел некто огромный, в длинном, до пят, черном пальто и черной шляпе с широкими полями, и потушил сразу все фонари на свете. Старый мир взорвался, раскололся, закончился. Горьковато-сладкая теплая темная Воронка затягивала все глубже, глубже... бесповоротно, а была она бездонной, бесконечной – и вернуться назад оказалось уже невозможно.

А тут еще и время... что-то такое случилось и со временем. Вероятно, тот огромный черный тип в пальто и шляпе сотворил что-то с часами: сломал стрелки – и испортился механизм. Огромный маятник часов, расположенных на самой вершине небесного свода, раскачивался все быстрее, быстрее, распиливал, раскалывал, крошил время, а часы тикали – она вдруг отчетливо услышала это – неравномерно, со странными, как при аритмии, переборами и неправдоподобно громко откуда-то с высоты времени. Но скоро это назойливое тиканье прекратилось, часы остановились, а время запетляло... Оно потекло вбок. Назад. Вперед. В каком-то неведомом направлении. Потом время совсем остановилось или, может быть, наоборот, полетело стремительно... Она не понимала, но со временем точно что-то случилось...

Они ничего не слышали вокруг себя – звуки мира погасли. Остался стук сердца – ее ли? о! его ли? его ли? о! ее ли? А еще его шепот, отчаянный, прерывистый, горячий – неистовый...

Что-то случилось...

Она не столько поняла, сколько почувствовала: что-то рождалось в этот майский вечер.

Как по волшебству, задрожали вдруг и рухнули стены недоверия, неосознанных страхов, необдуманно обещаний, чужих запретов, непонимания. Неодобрения... Неприятия...

Они горели.

Оба, вместе.

Огненный ветер сбивал с ног.

Заполыхали неистовым отчаянным пожаром. Горячо... жарко... больно... Нет, не больно... Это что-то другое... Что-то невыносимо острое, счастливое... Но разве можно это выдержать?

«Не бойся меня... Я же чувствую... ты вся дрожишь... Ты боишься? Не надо, не бойся... Ну, не могу я сделать тебе больно, я же ведь люблю тебя, Цветочек мой... Ты мне веришь?»

Потрескавшиеся, распухшие от поцелуев губы. Горячие от волнения щеки. Дрожащие сплетенные руки... Горячие руки – его, ледяные – ее. Замутненные страстью глаза.

И звенели души, как струны, и тянулись друг к другу, летели и пылали, и пробегала электрическая искра, и вибрировали, пели тела.

В дивный сад –
Там родилась Земля,
Вдруг попала я,
А теперь и мы –
Ты и я... –

Звучала – где? – в ней? Вне ее? Какая нелепая частушка! Она никогда прежде такой не слышала! Какая-то фривольная, легкомысленная мелодия, дикие слова...

Привычный мир исчез.

Она больше не думала, вправе ли она так поступать. Оказывается, любовь – болезнь, и к тому же заразная. Она потеряла себя. Или нашла?

Это был путь длиною в жизнь.

Г. ИВАН ТУНГУСОВ

ВЕРА И РОБУСЯ или НАСТЯ, ВОЗЬМИ?

повесть

2

1

Нельзя, и будет неправильно оценивать, а тем более прогнозировать ситуацию современной России умозрительно, иными словами, только на основе рационального. Потому что Господь, Матерь Божия и все святые не оставляют нашу страну своим многовековым духовным попечением и милостью – через чудо.

Все черное, агрессивное, разрушительное, которое навязывается, вбивается ежедневно в сознание людей с целью обезоружить их духовно – особенно в крупнейших городах – есть не имеющее будущего зло. И оно, несомненно, опасно. Многие из нас это видят напрямую или подспудно чувствуют, подчас унывая от величины обрушившегося на нас бедствия, не зная, что могут противопоставить его размаху.

Спаситель сказал своим ученикам: «... невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк, 17:1). Мы же должны трезвиться и не соблазняться ни прелестями мира сего, ни унынием от умножения беззаконий. Ведь соблазн останется не востребованным, если никто ему не поддастся. Нужно ли говорить, что устоять будет легче, прибегая к защищающим Таинствам Матери-Церкви, укрепляясь ими, в противовес злу, в делании добрых дел. Ведь вера без дел мертва! Да и творить добро будет легче и радостней, если творящих его будет становиться все больше.

Действительно, порой мы даже не подозреваем, сколько добра разлито в душах наших соотечественников. Они возделывают его в простых, каждодневных делах: растят детей, учат их, радуются солнцу, небу, земле, на которой живут. Именно они – соль Земли. Их верой, их молитвой жива Россия. О них не говорят в СМИ. Их не пускают на ТВ. На них клеветают, не дают работы, неоднократно обманывают и грабят.

Но именно простые верующие во Христа – опора, фундамент и хребет страны. И горько мне, что говорят СМИ не о них. Я бы даже сравнил сегодняшнюю ситуацию в информационной среде с разглядыванием в увеличительное стекло паразитов на теле нашего государства, за которым и тела-то уже почти не видать. И кажется, что кроме этой грязи ничего и нет у нас. Но это далеко не так, ведь...

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и не-доступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, влетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

Всмотримся же в лица поющих...

Алёна Евсеевна Рассказова к вере пришла относительно недавно. И это не смотря на тридцать лет деятельного соприкосновения с культурой, пронизанной этой самой верой. Собрание народного фольклора, этноса и преподавание всего собранного детям было основной ее работой. Учила-учила детишек, купалась в благодатном море-океане русского духа да самого главного, оказывалась, и не видала.

Вспоминала, как произошёл выбор дела всей её жизни:

– Не поступила в тот год на выбранный факультет. Ну, думаю, чтобы год не терять, поступлю пока в институт Культуры. А там конкурс подходящий только на народный хоровой факультет был. Думаю, потом видно будет. Переведусь, как только сумею, да и дело с концом. На первом же курсе повели на концерт народных коллективов.

И было там такое явление, как плакальщица. Ради него нас туда и привели. Послушайте, мол, вам это полезно будет не только для общего развития, но и для последующей профессиональной деятельности. Посмеялась я тогда про себя: мне-то это ни к чему. Не собираюсь я задерживаться у вас дольше одного курса... Но пошла – делать-то нечего. Сидим мы все в зале, а впереди да по бокам все люди солидные, дяди в пиджаках с авторитетными брешками, на которых почивают галстуки дорогие.

И вот попели разные ансамбли, выходит плакальщица. Я с кривенькой ухмылочкой сижу, думаю: ну-ну, меня-то ты слезами своими фальшивыми не проймешь... Через пару минут сосед по креслу заёрзал как-то странно. Я сижу. Только в носу что-то щекотать начало. Почесала я нос-то, а сосед за платком в свой карман потянулся... Сидит, сопит уже как-то тяжеловато. Ну, думаю, такой большой, а сдался. Поняла я, значит, чем в нём все эти перемены вызваны.

Дальше – больше. Народ в зале засопел, задвигался, словом, стал вести себя похожим образом: кто носы чесал, а кто не стеснялся уже и слёзы утирать. Да и у меня, от общей атмосферы наверное, в носу защипало, да и в душе некая перемена случилась... Минуты через четыре зал рыдал. Весь. Я вместе с ним.

После концерта всерьёз задумалась о явлении, свидетелем которому была только что. «Надо в этом попробовать разобраться», – решила я и осталась на народном факультете до получения диплома.

Много воды утекло с тех пор. Много собрано материала, наработано педагогического опыта. Выросли дети, пошедшие по той же стезе, но лет пять назад привычный уклад начал претерпевать серьёзные изменения.

Началось всё со случайного звонка однокурсника Вани Котлова, с которым связывали годы бесшабашной студенческой юности.

– Здравствуй, Алёна. Не узнаешь? – голос в трубке подкупал спокойными, доверительными нотками.

– Нет, кто это? – Алёна Евсеевна, отвлеченная звонком от репетиции, хотела было по привычке ответить дежурное: «Я сейчас занята, перезвоните позже», но не стала этого делать, позволив себе заинтересоваться голосом незнакомца.

– Это Иван Котлов. Помнишь такого?

– Ванька, привет! – вырвалось у Алёны, впрочем, довольно сдержанно. Накладывало отпечаток нахождение на репетиции. – Слушай, ты как? Где ты? Чем занимаешься? – Посыпались вопросы.

– Ну, правильное сейчас ко мне обращаться отец Иоанн. Я священник.

– О! Это как же тебя угораздило? – удивленно выпалила собеседница.

– Вот об этом я с тобой и хочу поговорить. Дело у меня к тебе. Когда удобно будет встретиться?

Воспроизведя в своей памяти образ приятеля, Алёна Евсеевна пыталась приладить к нему подобающие батюшкам атрибуты: бороду, рясу... И что там еще у них бывает.

– Встретиться... Сейчас... Завтра вечером тебе удобно? После девяти.

– Вполне. Ты где будешь в это время?

– У себя в клубе. Как раз занятия кончатся. Это на Заречье.

– Хорошо, я подъеду. Скажи точный адрес.

В оговорённый час встретились. Отец Иоанн имел при себе все внешние атрибуты, что подобает иметь священнику: шапочку-скуфью, бороду и рясу.

– Так вот ты каков?! – Алёна Евсеевна не без интереса смотрела на своего давнего знакомого, с которым не виделась со времени окончания института. А это, шутка ли, больше четверти века! Вглядываясь, старалась найти знакомые, не затёртые годами черты.

– Не удивляйся, все закономерно, – ответил отец Иоанн, привыкший к подобного рода удивлениям. – И наша с тобой встреча быть может не случайна. Готовься к переменам.

– Ох, и круто ты берёшь, Иван, – собеседница улыбнулась, и задор серо-голубых глаз выражал искреннюю, хотя и немного настороженную радость от встречи.

Алёна Евсеевна была хрупкой, невысокой женщиной, про которых говорят «мал золотник, да дорог».

И поговорок подобного рода в запасе у Алёны было великое множество – тем более, что профессия располагала к их собиранию.

Но в последние годы новые поговорки попадались всё реже. И это не удивительно: быть может, они все уже оказались собраны ею?

От этого, а может оттого, что некоторое истощение наблюдалось и в других направлениях жизни, Алёна подспудно желала перемен.

Но она совсем не видела, откуда бы они могли к ней прийти. Так, некоторое внутреннее томление духа.

– Алёна, ты нужна нам, – без тени пафоса проговорил батюшка.

– Вот как? Кому «нам»?

– Вообще, России. А в частности – благотворительному фонду святого Иоанна Кронштадтского, в попечительском совете которого я состою.

– А где это? – недоуменно спросила Алёна.

– Это в Омском Прииртышье, – отец Иоанн выдержал паузу.

– Не далековато? – неуверенно спросила Алёна.

– Нет. В самый раз, – сухо и твёрдо ответил батюшка.

Весь вид отца Иоанна выражал спокойствие и уверенность в том, что он делал и говорил. За каждым его словом скрывалась некая величина, которая не давала никакой возможности сомнению подточить эту уверенность и спокойствие. Алёна слушала и понимала, что с тем же успехом священник мог бы легко пред-

ложить ей полет на Луну, и предложение это прозвучало бы в его устах с тем же спокойствием и уверенностью, с каким только что было озвучено предложение сотрудничества с фондом.

– Видишь ли, Алёна, – отец Иоанн не любил долгих предисловий, – идея целостности лежит в основе мира, человека, семьи, всей русской культуры. Кризис сегодняшнего времени – это кризис личности, утратившей духовно-нравственные начала жизни, утративший знание Целого и переставший ориентироваться в культурно-историческом пространстве жизни человека и социума.

Казалось, что в этих словах инициатор встречи приоткрывал глубокую, не лежащую на поверхности суть вопроса, по которому и решил обратиться к своей давней знакомой.

– Когда в мире нужда и у нас самих очень мало — мы должны давать другим из этого малого. Это самый верный способ получить большее, – закончил свою мысль батюшка.

На последнее высказывание отца Иоанна душа Алёны откликнулась. Какая-то могучая правота дохнула через них на неё. И правота эта тронула потаенный уголок в её душе, в котором происходило то самое томление. И до которого, видимо, у неё самой никак не доходили руки. Может этот уголок и ждал прихода батюшки?

– А чем я здесь могу помочь? – совсем другим, потеплевшим голосом, спросила Алёна.

– Ты можешь многое. Я вот тебе сейчас расскажу...

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и не-доступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, вплетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

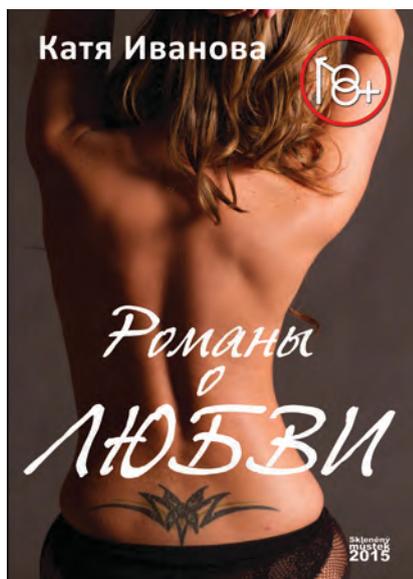
– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

С тех пор прошло более пяти лет. Отец Иоанн стал духовником ансамбля, окормляя всех, чьи сердца откликнулись на его горячую проповедь. А для Алёны с его приходом открылась новая страница в жизни, наделённая той самой глубиной, что коснулась её души при первой же встрече с батюшкой.

И выходило, что дыхания этой самой глубины и искала на самом деле она. Теперь же эта глубина была находима ею во всём: и в репетициях, и в поиске новых материалов, да и в повседневной жизни. Ибо нет ничего в мире вокруг нас, что ни созидалось бы великим Промыслом Божиим, который обитает в той самой неизъяснимой и благодатной глубине.

(продолжение следует)

СКОРО В ПРОДАЖЕ!

Катя Иванова

«Романы о любви»

Новый сборник романов Кати Ивановой посвящен той стороне любви, о которой не принято говорить вслух, однако это не делает ее ни менее важной, ни менее приятной для влюбленных. В конце концов, физическое наслаждение, превращающее пару, согласно словам классика, в «животное с двумя спинами» вне зависимости от того двадцать им лет или пятьдесят, дано человеку - природой ли, богами ли - не напрасно. В самом деле, не чудо ли, что там, где два становятся одним, рано или поздно появляется Третий...

Но кто может утверждать, что его семейное счастье ни разу не было под угрозой? Самые неожиданные трагические и забавные карамболи случаются в декорациях семейного быта, а их развитие практические невозможно предсказать. Погрузиться в мир любовных страстей и их последствий Вам позволит новая книга Кати Ивановой.

ISBN 978-80-7534-033-7; 978-80-7534-034-4.

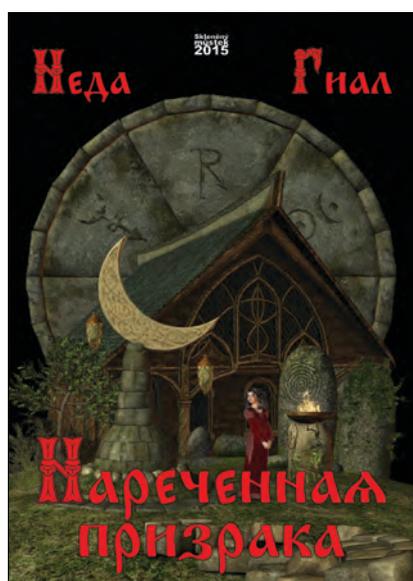
Владимир Коркин (Миронюк)

«Журналист, стреляй первым! Если настало время пираний»

В романе прослеживается непростая судьба журналиста Виссариона Стражина, в жизни которого было все: дальние командировки в самые удивительные уголки планеты, поразительные перипетии, связанные с политическими событиями внутри страны и на международном уровне, верная дружба и, конечно, любовь.

В главах романа читатель знакомится с людьми, которые произвели на журналиста Стражина не просто позитивное впечатление, но и оставили след в душе, как люди, по судьбе которых можно строить жизнь другим. Одна из сюжетных линий – случайная встреча на берегу теплого моря бывшего боевика из одной республики Закавказья, который некогда работал в геологической экспедиции, куда в молодости не раз ездил в командировки Виссар Стражин.

ISBN 978-80-7534-035-1; 978-80-7534-036-8.

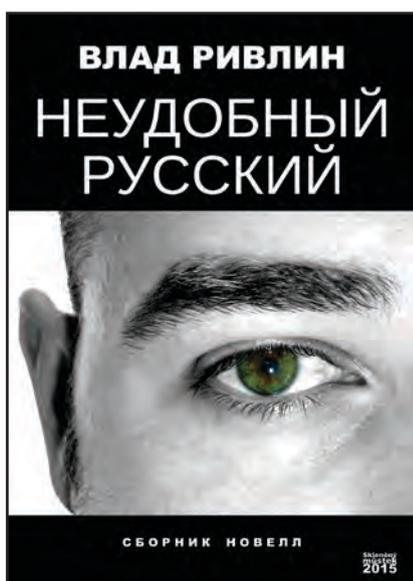
Неда Гиал

«Нареченная призрака»

Данная книга является продолжением первой книги писательницы - романа «Давным-давно, в неведомой дали», но продолжением необычным. Герои его живут в мире, который оказался до неузнаваемости измененным в результате событий предыдущей книги. Их жизнь, на первый взгляд, лишена всякой эпичности, но и они, в конечном итоге оставят в истории свой след.

«Труден и опасен путь через горы, окружающие долину Эльфийских Слёз. Множество легенд и сказок рассказывают о нём. Говорят, что не стоит идти по нему ранней весной – многие путешественники теряются в тумане в это время. Остерегайся, странник, если выйдешь к одинокой таверне, манящей призрачным светом окон и управляемой странной четой – молодой человеческой девушкой и её эльфийским спутником – ибо твоё сердце и душа подвергнутся суду. И горе тому, чьё сердце покажет хоть налёт зла или предательства, ибо не найдёт он пути из тумана».

ISBN 978-80-7534-038-2; 978-80-7534-039-9.

Влад Ривлин

«Неудобный русский»

Все опубликованные здесь новеллы объединены одной темой – темой человека в экстремальных обстоятельствах, когда он остаётся один на один с несправедливостью, более сильным врагом, со смертью... Герои этих новелл – люди разные, но их объединяет ряд общих черт: они одиноки, они выделяются на общем фоне, у них свой внутренний мир, и им неуютно в мире реальном. Они не умеют или не хотят приспособливаться, но и приспособиться, как и выжить, для них совсем не главное. Гораздо важнее для этих людей остаться самими собой, сохранить себя как личность. Невозможно победить смерть, но можно сохранить собственное достоинство. Невозможно переделать мир, но можно остаться самими собой в этой непростой жизни.

Они не всегда положительные, герои этих новелл, но всегда личности. Они яростно отстаивают своё «я» в нелёгкой, а порой и немилосердной жизни, идут против течения и борются, когда бороться вроде бы бессмысленно. Они не всегда побеждают, но всегда остаются самими собой.

ISBN 978-80-7534-040-5.

Анжелика Габриелян

«Место рождения: город Баку»

Сборник состоит из рассказов и миниатюр о жизни армянской семьи в Баку, Армении и России; о судьбах других окружающих эту семью людей. Развал Советского Союза и многие другие события, с ним связанные, нашли своё отражение в книге.

«Россыпь характеров, тел, судеб, событий. Год за годом, век за веком, тысячелетия... Какой медленный, кропотливый рост!.. Настой совершенно неведомых компонентов – незнакомка из зеркала... Это я? Кто она и почему молчит? Почему ничего не расскажет? Ведь я имею право знать! Ты мне ничего не расскажешь? Нет? Почему?»

ISBN 978-80-7534-041-2.

Aleš Hlásek

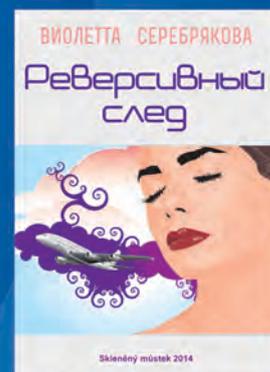
«Království černých havranů»

Povídka «Království černých havranů» a jiné pohádky jež obsahuje tato sbírka záhadný občas veselý nebo naopak smutný svět hrdin přemáhajících zlo, pro nichž kamarádství, láska a spravedlnost jsou nejlepší vlastnosti života. Této pohádky, vzbuzující nejsilnější city v srdce, určitě zaujají zájmy nejen dětí ale i jejich rodičů.

ISBN 978-80-7534-049-8; 978-80-7534-050-4.

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

